Отчет

о работе Маргианской археологической экспедиции

в сентябре-ноябре 2004 г.

Во время осеннего полевого сезона 2004 г. были продолжены раскопки на южном фасае дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, на обнаруженном еще весной элитарного некрополя.

Раскопочные работы 2004 г. установили, что основное ядро некрополя составляют семь гробниц (№№ 3200, 3210, 3220, 3225, 3235, 3230, 3240), вокруг которых позднее были устроены двухкамерные гробницы (3205, 3245, 3250), но много меньших размеров. Последняя такая двухкамерная могила 3250 перерезает наземную круглую стену, окружающую гробницу 3220, не оставляя никаких сомнений относительно ее более позднего происхождения.

Неразграбленная камерная могила 3245 может указывать, что хотя похороненные в таких могилах покойники и могли принадлежать к бывшим «царским фамилиям», они резко уступают им по богатству личных украшений и погребальных приношений, представляя собой «бедных родственников» бывших царственных родичей принадлежавших исключительно аристократическим захоронениям.

Все раскопанные гробницы представляют собой подземные погребальные сооружения, ничем не выделенные на поверхности, если не считать гробницу 3220, которая была обведена сверху кольцевой стеной, несохранившейся в восточной части, возможно из-за «деятельности» грабителей.

РИС. СИТУАЦИОННЫЙ ПЛАН ЦАРСКИХ ГРОБНИЦ

Когда это можно установить, все гробницы на древней дневной поверхности (которая, практически совпадает с современной) имели кирпичные, прямоугольные алтари со следами сильного влияния огня. Наверху, непосредственно рядом с гробницей 3235 находилось четыре таких, прямоугольной формы алтаря (два по обеим сторонам входа и два по середине) с явными следами горевшего в них огня.

Все гробницы представляют собой прямоугольной формы котлованы, вырытые в глинисто-песчаном материке или выложенные изнутри кирпичами или обмазанные толстой глинистой обмазкой.

Лучше сохранившиеся гробницы имели входы, причем когда это можно было установить с точностью, все они располагались с восточной стороны (гробницы 3220, 3230, 3235) и всегда оказывались заложеными кирпичами, но

в «сухую» без глиняного раствора, что позволяло при необходимости быстро разобрать закладку и проникнуть внутрь гробницы.

Все проходы имели наклонные спуски либо в виде пандусов, а в гробнице 3235 сохранилась лестница с семью ступенями, ведущая внутрь гробницы.

Эти и другие наблюдения дают все основания предполагать, что гробницы были пустотелые и в них практиковался последовательный обряд коллективных захоронений. Ни одна гробница не сохранила крыши, поэтому вопрос о перекрытиях остается открытым, хотя, учитывая их сохранившуюся глубину стен до двух м, думается они слегка возвышались над уровнем окружающей поверхности, и в них спокойно мог находиться стоящий в полный рост человек.

Все гробницы за исключением двух 3245 и 3225 были неоднократно ограблены еще в древности, причем последняя могила была оставлена неграбленной из-за ее особого характера, о чем подробно будет сказано ниже. Поскольку родственники умерших хорошо были осведомлены о возможности ограбления, они устраивали своеобразные «тайники», в которые складывались наиболее ценные погребальные приношения.

Гробница 3200 (на Гонуре принята сквозная нумерация погребений) общей площадью около 35 кв.м. и глубиной 2,5 м, представляющей собой макет обычного жилого дома, условно названного «дом мертвых».

(РИС. ПЛАН И ДВА РАЗРЕЗА).

Южную часть гробницы занимают четыре неправильной прямоугольной конфигурации камеры, имитирующие четырехкомнатный дом, перед которыми располагается обширный двор. Сами камеры сложены из кирпича, в то время как двор образуют стены вырытого котлована, обмазанные изнутри толстым слоем глины с песком. Предположительно в середине северной стены мог находиться несохранившийся проход, достаточный для того, чтобы через него могла проехать повозка, запряженная лошадью, обнаруженная в северо-восточном углу двора.

Три камеры «дома мертвых» соединены между собой общими проходами, в то время как камера №1 имела лишь один проход, ведущий непосредственно во двор, который мог быть заложен «в сухую» обнаруженными у входа кирпичами закладки. Судя хотя и по незначительным остаткам, но бесспорно человеческим костям (все антропологические определения принадлежат антропологу Н. Дубовой) именно первая камера являлась погребальной, куда помещались умершие, и вход в которую затем наглухо закладывался кирпичами.

Вторая камера была перегороджена внутри поперечной стеночкой, возможно с проходом, однако судить об этом с уверенностью затруднительно, т.к. грабители в сильной степени исказили ее первоначальный план. Судя по незначительному количеству костей баранов и мельчайших фрагментов медно-бронзовых изделий можно допустить, что вторая камера служила для хранения погребальных приношений, что однако требует новых доказательств.

Третья камера представляет собой своего рода «вестибюль» с двумя проходами, один из которых ведет прямо во двор, а другой - в смежную четвертую

камеру, которая, судя по всему, являлась камерой «погребальных приношений». В южной стене обеих камер устроено по два «тайника», тщательно обмазанных изнутри глиняной штукатуркой и разделенных на три «отсека». Еще одна «ниша» устроена была в середине северной стены, которая оказалась заполненной плотной битой глиной.

Тот факт, что все «тайники» оказались нарушенными не изнутри, а с тыльной стороны камер, прилегающих к котловану, точно так же как полное отсутствие каких-либо следов былых погребальных приношений в них может указывать на возможно иное их назначение. Осталось добавить, что тыльные части всех этих «тайников» выступают за внешнюю гладь стен, в которых они были устроены.

Начиная с глубины 1,30 м от современной поверхности во всех камерах (исключая первую) было встречено огромное количество преимущественно гипсовых мозаичных вставок, а на стенах в третьей и четвертой камере, сохранились прикрепленные на месте фрагменты настенной мозаики. Думается, что кроме первой камеры, стены всех остальных были украшены мозаичными панно, включавших не только геометрические «ковровые» (РИС) но и сюжетные композиции свидетельством чего могут служить находки гипсовых голов кабана и птицы, а также фаянсовой рыбы.

Следует специально отметить фрагмент упавшей со стены мозаики, на которой в момент раскопок в «правильном» вертикальном положении стоял медный косметический флакон. Такое взаимное расположение с бесспорностью указывает, что уже после того, как мозаика упала со стены на пол камеры, люди продолжали приносить новые погребальные приношения, что в свою очередь служит дополнительным свидетельством существовавшей практики последовательных захоронений.

Как бы то ни было, именно в четвертой камере упавшая со стены мозаика закрыла собой и сохранила от грабителей выдающиеся ювелирные изделия в виде круглого футляра с инкрустированной крышкой (ФОТО), различные туалетные принадлежности и в том числе булавку с навершием в виде отдыхающего теленка. Особенный интерес вызывает находка железной булавки с навершием из бирюзовых и лазуритовых лепестков, среди которых находились миниатюрная фигурка золотого архара (размером около одного см) и бирюзовая статуэтка припавшего к земле и готовящегося к прыжку льва (размером чуть больше 0,5 см). Наконец, к этой же булавке были прикреплены золотой полумесяц и золотая же восьмиконечная звезда (ФОТО и ФОТО). Хотя анализ железной булавки еще не сделан, думается, что она была изготовлена из метеоритного железа.

В другом углу этой же камеры «погребальных приношений» остались незамеченными грабителями золотой ажурный конус, который сверху венчала золотая же, предположительно, женская голова с преувеличенно большими глазами и ушами и рядом - две руки, сделанные из золотой фольги.

Из ажурного тела этой предположительно женской фигуры как бы «произрастали» шесть «фаянсовых» колосьев пшеницы или ячменя, закрепленные на теле при помощи бронзовых штырей. В свою очередь из колосьев выступают тончайшие ости, не оставляя никаких сомнений, что это именно злаки. Еще два колоса были сделаны из золотой фольги, а ости, вставленные в них - серебряные. Думается, что в целом все это изделие изображает женское божество плодородия с произрастающим из его тела растениями, до определенной степени напоминая сцену на цилиндрической печати, встреченную около алтаря на западном фасае каре дворцово-культового ансамбля Северного Гонура.

Здесь же находились две наборные фигурки орлов, изображенных в геральдической позе с широко расставленными крыльями. Все фаянсовые и гипсовые детали могли крепиться к деревянной основе, а крылья и хвосты для создания впечатления реального оперения были набраны из тонких фаянсовых пластинок, причем сами фигурки оторочены по внешнему контуру золотой фольгой. Еще одно такое же крыло было встречено во дворе, около повозки.

Кроме того, рядом с орлами находились фаянсовые панцири черепах, и было рассыпано около 1000 эолотых, лазуритовых и сердоликовых бус, некогда составлявших предположительно ожерелье, а так же узкие плоские золотые пластины со сквозными дырочками (через которые были когда-то пропущены нити с нанизанными на них бусинками), служившие в качестве разделителей. Точно такие «разделители» вместе с многочисленными каменными бусинками происходят из одной богатой могилы в Телл Банат, свидетельствуя о близких технических приемах существовавших у ювелиров древней Сирии и Маргианы, если только они не были принесены в дельту Мургаба пришлыми племенами.

Не менее впечатляющие находки сделаны были во дворе гробницы 3200. Так, в северо-восточном углу сохранилась четырехколесная повозка вместе с кузовом, сколоченным из 4 досок и скрепленных между собой поперечными рейками. Колеса – сплошные и состоят из трех деревянных плах, скрепленных между собой поперечными рейками. В центре колеса имеют выступающие наружу ступицы, что в целом они до определенной степени напоминает древневосточные колеса повозок, как например, на знаменитом «штандарте» из царских гробниц Ура.

Каждое колесо было оббито снаружи шестью массивными, бронзовыми «дугами», каждая с тремя «ушками», образующих составные ободья, скрепленные с колесами при помощи круглых «ушек» с массивными заклепками. Показательно, что неподалеку от повозки на полу двора были найдены два небольших одинаковых бронзовых изделия, предположительно принадлежавших лошадиной экипировке.

Между повозкой и восточной стеной двора находился череп и скелет молодой лошади, которая могла была быть впряжена в нее. Рядом находился полный скелет верблюда, который по данным Н. Дубовой, был умерщвлен на месте.

Во дворе, перед входом в первую камеру находилось три скелета (женщина и два подростка 14-16 лет), которые были убиты прежде верблюда, причем по данным Н. Дубовой не исключено, что подростки в момент смерти стояли на коленях. Показательно, что никаких личных украшений (исключая женщину у которой под шеей находилась простейшего типа медная булавка, а у плеча маленькая печать), а тем более погребальных приношений при них встречено не было. Словом, есть веские основания предполагать, что все три скелета принадлежали царским слугам, которые были насильственно умерщвлены в этой гробнице.

В противоположном северо-западном углу двора встречено было большее скопление костей старого верблюда, а непосредственно перед вышеупомянутой повозкой - скелет собаки. Если учесть какое большее значение занимали оба этих животных в у древних иранцев (особенно собака, которая играла главную роль в ритуалах с а г д и д при погребении людей), то присутствие ее в гробнице не покажется странным и чем-то необычным.

Кроме одного целого каменного «посоха» длиною почти 2 м и двух других фрагментов, изготовленных из разных пород камня, алебастрового «диска» и выброшенных наверх грабителями двух т.н. «миниатюрных колонок», у входа в вышеупомянутый «дом мертвых» находились два бронзовых предположительно «светильника» со свободно свисающими ручками. Один из них с ажурным туловом близко напоминает такое же изделие, встреченное в богатом аристократическом захоронении в столице Белуджистана, в Кветте (Jarridge and Nassan, 1985), а второе изделие находит прямые аналогии в могильнике Шахдада (Накеми, 1997).

Среди керамических сосудов выделяются конические кубки, расписные «решетчатым» орнаментом точно, копируя аналогичные, встреченные исключительно в аристократических двухкамерных гробницах некрополя Гонура (Сарианиди, 2001). Эти и другие наблюдения дают все основания считать, что такие расписные сосуды с «решетчатым» орнаментом являлись погребальными принадлежностями не просто богатых, но родовитых, аристократических семей местного маргушского общества.

Заканчивая описание гробницы 3200, следует подчеркнуть, что она бесспорно представляла собой модель обычного дома, что по мнению М. Гимбутас, было характерно для погребальных обрядов индоевропейских народов и в том числе индоиранских племен, что было поддержано другими специалистами (Jones-Bley, 1997). Как будет показано, ниже гробницы имитирующие дома являлись характерными признаками погребальных обрядов не только царского некрополя, но маргушской аристократии вообще свидетельством чего является некрополь Гонура (Сарианиди, 2001), лишняя раз указывая на индоиранскую принадлежность пришлого сюда населения.

Гробница 3210 представляет собой прямоугольной формы подземный котлован, разделенный кирпичной стеной на две неравные по размерам камеры. Меньшая камера была выложена изнутри кирпичами, в то время как большая

была лишь обмазана толстой, глиняной обмазкой прямо напоминая аналогичную отделку интерьера двора гробницы 3200.

В южной камере, непосредственно у восточной стены располагаются разрозненные кости не менее чем от 6-7 как мужских, так и женских разного возраста скелетов. В северной камере в разных местах (но преимущественно у западной стены) имеются останки двух людей, которых перекрывают кости и череп верблюда, что, по мнению Н. Дубовой, может указывать на их насильственную смерть. Всего же в большой камере найдены останки не менее 4 человек.

Судя по имеющимся данным, меньшая камера выполняла роль «погребальной камеры», куда помещали покойников, в то время как большая в основном служила для погребальных приношений. Разделительная между камерами стена сохранила проход, который в момент раскопок оказался частично заложен кирпичами, но в «сухую» для быстрой их разборки и прямого сообщения между камерами, указывая на их функциональную взаимосвязь.

Гробница оказалась сильно нарушенной грабителями так, что трудно судить о первоначальном расположении скелетов и особенно находок. Тем не менее возможно не случайно основная часть находок (и в первую очередь мозаика) концентрировались у восточной стены большой камеры, где предположительно могла находиться несохранившаяся к моменту раскопок дарохранильница. Именно в этом месте и были встречены остатки большого мозаичного фриза (длиною более 80 см) с изображениями по крайней мере трех пар противостоящих друг другу львиных грифонов, которые могли первоначально украшать интерьер камеры, а возможно даже предполагаемую дарохранильницу.

Судя по общей «противоборствующей» тематике мозаичных композиций, состоящих из противостоящих друг другу фантастических животных со зло оскаленными пастьями, все они пронизаны идеей бескомпромиссной борьбы и взаимного противостояния. Доказательством тому служат львиные грифоны с широко оскаленными зубастыми пастьями, показанными в явно агрессивной позиции.

На это же показывает изображение одного львиного крылатого грифона с рогом на носу и небольшой бородкой и по боевому задранному на спину хвостом, заключенное в прямоугольный картуш. Все это может указывать, что главный погребенный в гробнице 3210 был мужчина, предположительно воин. Дополнительным доказательством этого является находка 50 каменных наконечников стрел, встреченных в этой же могиле.

Среди найденных фрагментов выделяются мозаичные изображения орлов в геральдической позе с широко распростертыми крыльями, но всегда без голов, которые возможно были сделаны в рельефе и выступали за гладь стены, а в таком случае легко могли быть сбиты со своего места все теми же грабителями.

Показательно использование комбинированной техники - мозаики в сочетании с полихромной живописью, что, как кажется, впервые отмечено в искусстве Центральной Азии. В целом же рассматриваемая наборная мозаика выпол-

нена методом «прямого набора», для чего прямо на стены гробниц наносился слой клеящей «цемянки», на котором затем закреплялись заранее вырезанные фигурные мозаичные пластины. Доказательством тому служат отдельные фигурные гипсовые пластины, которые были встречены в момент раскопок непосредственно закрепленные на стенах. С другой стороны, можно допустить, что наиболее тонкие и сложные композиции компоновались на обмазанной цемянкой плитах, которые затем крепились на стенах гробниц.

Есть все основания считать, что при составлении мозаичных панно использовались разнообразные шаблоны, доказательством чего является обнаружение таких «фаянсовых» шаблонов или лекал в могиле мастера-камнереза некрополя Гонура. О широком репертуаре мозаичного искусства свидетельствует находка двух крупных гипсовых голов пантер, тела которых не сохранились.

Среди каменных находок выделяются два алебастровых «диска» и фрагменты «посохов», по-видимому, служивших в качестве знаковых изделий и бывших столь же популярными еще только в Бактрии. Явно не случайно практически у всех них один конец выточен в виде конского копыта, что может быть связано с мифологическими данными Авесты.

Характерной особенностью этой гробницы является наличие около 30 больших тарных, однотипных, грушевидных сосудов, высотой 70-75 см. (предположительно для вина или пива). Кроме того, исключительного значения заслуживает серебряная «сигнальная труба», служившая для тренинга лошадей (Р. Гиршман), а так же каменная фигурка лошади с седлом, свидетельствующие не только о домашнем коневодстве маргушцев, но и об использовании ими уже верховой лошади.

Из мелких находок следует отметить, обрывки золотой фольги, фрагмент золотой спирали и мелкие золотые же бусинки, накладки из слоновой кости с отверстиями для крепления и фрагменты фаянсового браслета. У прохода, под стеной, разделяющей между собой обе камеры, была обнаружена «спрятанная» мраморная головка от составной статуэтки (но без туловища), украшенная сверху сложной прической, изготовленной из черного стеатита.

Среди костного материала встречены скопления костей животных и в том числе верблюда и овцы-козы, часть которых сохранила следы от медно-бронзовых изделий. Как и в гробнице 3200 и здесь был встречен скелет собаки, усыпанный мелким гипсовым бисером, что уже приобретает характер закономерности.

Погребение 3220, самое восточное в царском некрополе, было окружено кирпичным кругом (шириной в два ряда кирпича и диаметром 12 м). Рядом проходит обводная стена всего дворцово-культового ансамбля, которая, не доходя до круга, делает излом внутрь и непосредственно примыкает к могильному кругу, как бы «специально» включая гробницу внутрь всего этого огромного ансамбля. Надо добавить, что обводная стена была возведена на уже накопившихся к тому времени культурных слоях, указывая на ее более позднее проис-

хождение чем сама гробница. Внутри круга, но на дневной поверхности располагается двойной алтарь со следами огня и двухкамерная печь для приготовления жертвоприношений из мяса крупных животных, доказательством чему служит конструкция грушевидных, но всегда двухкамерных печей, обнаруженных в северной части Гонура.

Итак, внутри круга был вырыт прямоугольный котлован, облицованный изнутри кирпичами. Сразу же, с начала раскопок внутри котлована стали появляться бесспорные следы ограбления в виде многочисленных фигурных мозаик, а так же фрагменты двух «миниатюрной колонок», двух каменных «посохов» и трех кремневых наконечников стрел.

Хотя грабители в сильной степени исказили внутренний план гробницы, он достаточно полно реконструируется на основании проведенных раскопок. Вход в гробницу находился в восточной стене, представляя собой слабо наклонный пандус. Прямо перед входом располагается широкий коридор (пом. 4), из которого соответствующие проходы ведут в три других помещения.

(РИС. ОБЩИЙ ПЛАН).

Самое обширное из них помещение 1 имеет в южной части большую своеобразную кирпичную нишу (точное назначение которой остается не совсем ясно), сильно нарушенную грабителями. Тем не менее, на полу было встречено большое хаотическое скопление человеческих костей, два человеческих черепа, незамеченные грабителями «косметическая лопаточка» из слоновой кости и бронзовый т.н. церемониальный топор.

Рядом располагается обширное помещение 2, у южной стены которого находится «стол» (высотой в два ряда кирпичей) с деревянной крышкой, следы которой четко прослеживаются на верхней поверхности стола. На этом месте (но на 25 см выше стола) в момент раскопок находилась золотая пружина и рядом разрозненные кости от человеческой руки.

Прямо напротив стола, в середине северной стены располагается двухкамерный очаг (тыльная сторона которого выходит в смежное пом. 3), разделенный внутри невысоким валиком на две части: топку и духовку. Такой конструкции печи, как правило, использовались исключительно для приготовления жертвоприношений.

В западной стене устроена обширная ниша так, что для укрепления самой стены рядом была возведена вторая - опорная - стенка. Между столом и двухкамерной печью находится скорченное захоронение, которому принадлежал находившийся в области локтя медный браслет с агатовой вставкой. На запястье руки сохранились незамеченными грабителями 4 крупные агатовые бусины.

Помещение 3 узкое, прямоугольное сохранило внутри большое, хаотическое скопление человеческих костей, среди которых были встречены изделия из слоновой кости и в том числе кружки и квадраты, украшенные кружковым орнаментом, а так же т.н. гадательные палочки. К северной стене оказался приклоненным каменный диск изготовленный из мраморизированного известняка.

Погребальная конструкция рассмотренной гробницы подобно вышерассмотренным гробницам 3200 и 3210 может представлять собой макет дома с тремя помещениями и соединяющим их общим коридором. Небольшое отличие заключается лишь в том, что здесь отсутствует прилегающий к «дому» двор.

Главные сохранившиеся находки находились в «тайнике» №1, который родственники покойников устроили в южной части коридора (пом. 1). Выше уже было отмечено, что между родственниками умерших и грабителями все время проходила невидимая, но вполне определенная «война нервов», когда первые любым путем (и в первую очередь устройством всякого рода «тайников») пытались скрыть местонахождение богатых погребальных приношений, в то время как вторые стремились обнаружить их.

Именно такой «тайник» был обнаружен в южной части коридора, для чего на этом месте был установлен деревянный «ларь» или «короб» (размеры: 1,0 м длина; 0,75 м ширина и 0,6 м глубина), три внутренние поверхности которого (две торцовые и дно) были украшены однотипной составной мозаикой в виде сердечек. Мозаика на дне образована пятью рядами чередующихся сердечек вершинами вверх и вниз. Как правило, каждое такое крупное сердечко вырезано из гипсовой пластины, середина окрашена в ярко красный цвет, а контур обведен черным цветом. Хотя точное назначение «короба» не совсем ясно, думается в нем находились второстепенные погребальные приношения, которые должны были отвлечь внимание грабителей от подлинных сокровищ, как оказалось надежно спрятанных под этими, менее ценными приношениями. В таком случае целесообразно назвать такие «лари» «дарохранительницами», которые, когда это можно было установить, имелись практически во всех гробницах. Как оказалось, эта дарохранительница была поставлена на два кирпича, ниже которых располагался скелет предположительно основного захоронения так, что в момент раскопок человеческие кости проглядывали через дно дарохранительницы. Тот факт, что грабители не заметили покойника, может указывать, что ограбление произошло вскоре после погребения, когда дно дарохранительницы еще было целым (деревянным?) и погребенного не было видно.

После снятия дарохранительницы под ней было обнаружено предположительно основное захоронение, голова которого покоилась на каменной статуе барана, но почему то с длинным хвостом. В ногах покойника находилась часть барана и рядом двулезвийный кинжал, которые таким образом располагались отдельно от клада.

Под скелетом в материке на глубине 50 см ниже пола гробницы был обнаружен сам тайник с общими размерами 1 на 1 м. Итак, под головой захоронения находилась каменная фигура барана, а под ногами располагался тайник забитый золотыми (2 экз.), серебряными (17 экз.) и медно-бронзовыми (5 экз.) сосудами, в том числе одна серебряная воронка – ситечко.

Практически все металлические сосуды повторяют керамические формы, среди которых можно отметить массивный золотой графин с длинным, узким горлом и золотую же открытую чашу. Среди серебряных сосудов выделяются

конической формы кубки, и в том числе один такой кубок на низкой ножке, украшенный по венчику полуовалами, возможно изображающими горы. Другой высокий кубок, но без ножки, а с ребристым перегибом у дна, орнаментирован по венчику парой извивающихся лент, представляя собой типичный орнамент сиро-хеттского искусства. Кроме того, следует отметить стройную вазу на высокой ножке, а также глубокие чаши с округлым дном и глубокие миски. Особняком стоит большой массивный серебряный сосуд напоминающий своего рода «граммофонную трубу», назначение которого остается неясным

Золотая чаша на донце сохранила рисунок злака по-видимому пшеничного колоса, в то время как пять других сосудов (и в том числе золотой графин) имеют однотипные гравированные изображения стоящих двугорбых верблюдов-бактрианов. Явно не случайно у трех из них выше горбов изображены рисунки, отдаленно напоминающие луки с тетивами.

Образ верблюда столь популярный в древней Маргине, конечно же, не случаен. Доказательством этого служит еще один серебряный, сужающийся кверху банкообразный сосуд с рельефным изображением двух шагающих друг за другом явно парадных верблюдов, выполненных с величайшим мастерством. Возможно родовыми тамгами-знаками являются два однотипные изображения треугольника с двумя полуовалами под ним, помещенных на бедрах обоих верблюдов.

Как бы то ни было, тонкая моделировка тел (когда показаны даже мольные подушки на коленях), густая, тщательно расчесанная шерсть не шее, а так же головы с выделенными ноздрями и большими глазами демонстрируют древнейшее изображение парадных верблюдов-бактрианов, выполненных с неподдельным мастерством неизвестным, но бесспорно талантливым мастером жившим и творившим в конце III тыс. до н.э. в древней стране Маргуш.

Образ верблюда был ранее не известен в Месопотамии до I тыс. до н.э., что исключает возможное предположение об импортном происхождении этого маргианского сосуда, являющегося изделием местного мастера-умельца. Верблюд был наиболее важным и почитаемым животным у древних иранцев и в особенности, как это можно судить по Авесте, у зороастрийцев, так, что возможно, действительно, имя новоявленного пророка Заратуштры включает слово верблюд (Зар - золотой, Уштр - верблюд) на что уже давно обратили внимание лингвисты.

Большой двулезвийный кинжал из того же погребения относится к тому типу вооружения, какие были распространены в это время в передовых центрах Ближнего Востока, вплоть до восточного Ирана (Шахдад), а теперь и Маргианы.

Заканчивая характеристику гробницы 3220, необходимо отметить, что среди «сервиза» выделяются своими чрезмерно массивными тяжелыми формами отдельные золотые и особенно серебряные сосуды, что не всегда оправдывается их назначением. Так, золотой графин имеет вес около 1 кг, серебряное блюдо в виде «граммофонной трубы» - 4 кг, а широкое блюдо с невысоким бортиком - 4,5 кг. Думается, что такие излишне массивные изделия должны были

символизировать собой богатство их владельцев при жизни, которое они могли взять вместе с собой в потусторонний мир.

Погребение 3225 представляет собой (вместе с аналогичным погребением № 3240) необычную могилу (РИС ПЛАН и РАЗРЕЗ) в виде простого прямоугольного котлована глубиной свыше 1,9 м, но не пустотелого, а сразу же засыпанного землей.

Доказательством того, что это было необычное захоронение служит тот факт, что в этой не ограбленной могиле не было найдено ни личных украшений, ни погребальных приношений. Вместо этого по периметру котлована находилось 5 отдельных человеческих черепов и не менее 5 полных скелетов молодых мужчин. Два из них, находившиеся напротив друг друга (соответственно у северной и южной стен), в момент смерти стояли на коленях, что может указывать на насильственную смерть не только их, но и всех людей в этой могиле.

Вперемежку с человеческими костями находятся полные останки двух верблюдов, из которых более старший располагается в центре, а второй, молодой у южной стенки котлована, причем рядом с центральным верблюдом находятся остатки дерева предположительно от сидения.

Непосредственно у западной стены котлована располагаются четыре деревянных колеса, точно повторяющие вышеописанные из погр. 3200, снятые с повозки, каждое диаметром 90 см. Колеса сплошные, с выделенной втулкой и каждое состоит из трех плах, скрепленных между собой рейками. Ободья их состоят из шести отдельных, но составленных вместе «дуг», которые снабжены «ушками», при помощи которых прикреплялись заклепки к самим колесам. Судя по стратиграфии, сначала в котлован были спущены два колеса и только затем люди, которые затем и были здесь же умерщвлены. Свидетельством тому служит тот факт, что колени одного из убитых лежали на одном колесе, а сверху их перекрывало второе колесо, которое таким образом было спущено в котлован позднее.

Рядом с колесами располагалось деревянное сидение (длиною 160 см, шириною 35 см) со спинкой и двумя «боковинами» (высота 15 см). Причем само сидение было сделано из одной доски, а спинка и боковины - из трех узких, планок. Возможно остатки «сидения» составляют три деревянные плахи, находившиеся на спине второго верблюда, что однако требует дополнительных доказательств. Но независимо от окончательного ответа очевидно, что нахождение деревянной конструкции на спине верблюда исключает его назначение в качестве тяглового животного.

Четырехколесная повозка из гробницы 3200, вместе с колесами из могилы 3225 и предположительно из 3240 (об этом см. ниже) являются первыми находками такого рода в системе Центральной Азии. В высшей степени показательным, что абсолютно точно такой же конструкции колеса известны в Бактрии, поэтому есть все основания утверждать, что по крайней мере на рубеже III-II до н.э. в Туркменистане, Иране и Афганистане был распространен колесной транспорт с лошадиной запряжкой. Хотя колеса подобной конструкции с бронзовыми

ободьями пока более нигде не засвидетельствованы, не исключено обнаружение их в будущем в более западных исторических областях.

Итак, могила 3225 с двумя убитыми верблюдами (которые считались наиболее высококочтимыми животными у зороастрийцев) вполне вероятные человеческие жертвоприношения и большая ценность бронзовых ободьев, все указывает на особое значение этой могилы, которая могла быть своего рода кенотафом, но не простого, а бесспорно высокого, царского лица.

Погребение 3240 как по погребальному сооружению (прямоугольный котлован около 2 м глубиной), так и по типу захоронения (не пустотелый, а сразу же сплошь засыпанный землей) точно напоминает вышерассмотренную могилу за одним исключением того, что погребение 3240 было ограблено в древности.

Внутри гробница оказалась полностью заполненной насыпной землей вперемешку с фрагментированными костями животных (два верблюда, корова-бык, теленок и две собаки) вперемежку с человеческими костями. Всего в могиле были встречены остатки от 14 человеческих скелетов, разбросанных по всей площади котлована, но особенно мощное скопление костей отмечается в восточной части могилы. Кости как животных, так и людей лежат вне всякого порядка. Исключением является частично сохранившийся на полу скелет собаки со следами медно-бронзовых окислов, возможно от лежавших рядом колес. Точно так же на костных остатках одного мужчины и одной женщины имеются интенсивные следы от медно-бронзовых окислов предположительно также от лежавших рядом колес.

На полу котлована, в ее северо-западном углу найдены были пять человеческих скелетов, сохранивших полный анатомический порядок костей, но лежавших в неестественных позах, что по данным Н. Дубовой может указывать на их неестественную смерть. Они могли быть убиты (принесены в жертву?) уже внутри котлована, но не были просто брошены, а скелетам были приданы позы, характерные для обычных захоронений: скорченные, на правом боку, головой на северо-запад.

Суммируя полученные данные, думается, что подобно погребению 3225 и в эту могилу были положены снятые с повозки колеса, бронзовые ободья с которых представляли для грабителей большую материальную ценность, что и послужило главной причиной разграбления могилы.

Точно так же, как и погр. 3225 и эта могила не сохранила абсолютно никаких личных украшений и погребальных приношений и вероятнее всего являлась элитарным кенотафом какого-то высокородного царского лица. Таким образом, очевидно, что оба захоронения 3225 и 3240 с самого начала решительно отличались от всех других гробниц царского некрополя и, скорее всего, представляли собой древние кенотафы.

Гробница 3230. Уже с самого начала раскопок на дневной поверхности внутри гробницы выявился прямоугольный кирпичный алтарь со следами сильного влияния огня внутри. Как и другие гробницы эта также представляет собой

котлован, вырытый в материке, и облицованный изнутри кирпичами. Внутри котлован разделен кирпичными стенками на четыре камеры с общим входом в гробницу, расположенным с восточной стороны, который оказался заложённым кирпичами «в сухую», разобрав который легко можно попасть внутрь .

В самых верхних слоях заполнения гробницы начали встречаться следы жестокого ее ограбления в виде разрозненных костей от человеческих скелетов вперемежку с личными украшениями и погребальными приношениями, представленными фрагментами золотой фольги, нашивками, бусами, каменной «миниатюрной колонкой», большим количеством мозаики, разбитой керамикой. Среди этих находок выделяется стеатитовая т.н. композитная статуэтка, правда не сохранившая ни голову, ни руки.

Явно не случайно основная масса украшений концентрировались в юго-восточном углу гробницы, ниже которого располагается небольшая, маленькая , почти квадратная камера 2, внутри которой находилось три скорченных скелета с разной ориентацией и абсолютно без каких либо личных украшений и погребальных приношений (РИС. ПЛАН И РАЗРЕЗ). Еще три скелета взрослых людей находилось в камере 3 (две взрослые женщины и карлик) без погребального инвентаря, не считая нескольких средних размеров сосудов, два из которых украшены были расписным «решетчатым» орнаментом. Самая большая по размерам камера 1 сохранила в своем юго-восточном углу нарушенные человеческие скелеты из которых лишь один женский оказался непо потревоженным, скорченный, лежащий головой на юг. В ногах у нее располагается сильно разрушенная, прямоугольная дарохранильница, украшенная мозаичным орнаментом. На шее у покойницы было надето золотое ожерелье, а за головой помещен бронзовый, церемониальный топор. Рядом находится мужское захоронение с разрозненными золотыми бусами, причем около теменной части мужского черепа по видимому был положен мешочек (с 10 кремневыми наконечниками стрел внутри), скрепленный медной ленточкой.

Кроме того, вокруг были встречены разрозненные кости от других скелетов так, что на этом месте находился один мужской костяк в окружении пяти женских.

Можно полагать, что пом 4 являлось своеобразным коридором (в котором находился двухкамерный разрушенный очаг, топка которого выходила, судя по всему именно в это помещение. Подавляющая часть находок была сделана везде во всех помещениях – керамика, фольга. Бусины, обломки – в верхних слоях заполнения), Как видно, большая часть гробницы оказалась пустой и могла предназначаться для последующих захоронений, которые по каким-то причинам не были совершены.

Гробница 3235 представляет собой самое сложное по планировке погребальное сооружение, вход в который располагается с восточной стороны представляя собой лестницу, с семью ступеньками (РИС. ПЛАН И РАЗРЕЗ). Стены котлована изнутри облицованы кирпичами и покрыты толстой штукатуркой. Сам проход в момент раскопок оказался наглухо заложённым кирпичами «в

сухую», для быстрого проникновения внутрь гробницы. На дневной поверхности по обе стороны от входа и по середине боковых стен гробницы располагаются по два обожженных изнутри прямоугольных алтаря со следами горевшего огня внутри.

Проход прямо ведет в помещение 5 типа своеобразного вестибюля с внутренней нишей в северной стене, в котором находились разрозненные кости и череп от человеческого скелета. Рядом на полу располагается еще один скелет (отгороженный глухой стеночкой от остального помещения), над которым расчищены остатки какого-то деревянного изделия (размером 75 на 30 см). Напротив, в южной стене устроен обычный очаг, около которого на полу обнаружен угольно-зольный слой и пять предположительно медно-бронзовых скоб. Наконец, около западной стенки вестибюля находились два человеческих черепа, но без скелетов. Кроме нескольких разбитых керамических сосудов и деревянных остатков от «ларцев» больше ничего в этом помещении найдено не было.

Широкий проход с порогом ведет в смежное помещение 4 (своеобразный внутренний холл), которое имеет пять проходов с порогами, ведущими в смежные помещения., а в восточной стене - небольшую обычную печь с закопченным дымоходом. Почти в середине этого помещения, на глубине 45 см ниже пола встречены слегка нарушенные (уже вскоре после их захоронения) человеческие скелеты, три из которых молодые мужчины, лежавшие в скорченных позах головой на север.

Еще четыре костяка из этой же могилы - все женские, ориентированы в противоположность от мужских в южную сторону и все без инвентаря, если не считать небольшую простенькую медную печать с орнаментом в виде крестика, найденную на груди у одной покойной.

В засыпке могилы встречено небольшое количество разрозненных кусочков мозаики, указывающих на то, что они попали туда, когда грабители пытались что-то найти среди этих, далеко еще не разложившихся скелетов. Вероятно, некоторые мозаичные вставки уже тогда осыпались со своего первоначального места и также как и великолепная агатовая бусина с золотыми обоями, уроненная грабителями, могли случайно попасть в заполнение могилы семерых слуг.

Два прохода, устроенные в восточной стене ведут в помещения 2 и 3. Помещение 2 – небольшое, прямоугольное имеет неправильную конфигурацию вследствие того, что в нее выступает тыльная часть двухкамерного очага из смежного пом. 3. В свою очередь пом.2 в середине северной стены так же имеет двухкамерную печь с уступом, делящим ее на топку (с остатками золы на дне) и духовку. Все это и главное закопченный дымоход, свидетельствуют на использование печи во время функционирования самой гробницы. Непосредственно перед этой двухкамерной печью находилось большое количество разбитой керамики и две т.н. «накладки» из слоновой кости, украшенные нацарапанным орнаментом с отверстиями на концах для крепления. Еще одна точно такая «накладка» была обнаружена в грабительском лазе.

Смежное пом. 3 сохранило в западной стене две расположенные рядом внутрисконные ниши, а в южной и северной еще две, но находящиеся напротив друг друга. Примерно по середине северной стены устроена двухкамерная печь с уступом точно соответствуя вышеупомянутой из пом. 2 и также со следами огня.

В помещении 3 были встречены два каменных «посоха» (соответственно длиной 1,2 м и 1,45 м), конец одного из которых выточен в виде лошадиного копыта; 13 кремневых наконечников стрел, обрывки золотой фольги, агатовые бусы с золотыми обоями, прямо напоминающие аналогичные из передовых центров Ближнего Востока и в том числе из царских могил Ура. Здесь же был найден золотой, четырехлепестковый «цветок», украшенный по контуру зубчатыми бирюзовыми, но более крупными листочками, причем точно такие же лепестки были встречены в находившейся рядом двухкамерной печи. Наконец, в западной части помещения были встречены круглые и квадратные «фишки», изготовленные из слоновой кости и украшенные кружковым орнаментом.

Бесспорно, особого интереса представляет собой тайник № 2, обнаруженный у южной стены помещения №3 ниже пола на глубине 85 см, в котором находилось 7 сосудов (два золотых, три серебряных и два медных). Два золотых кубка точно копируют золотые же кубки из грабительских раскопок Бактрии, а среди серебряных выделяется конической формы небольшой сосуд с рельефным анималистическим орнаментом.

Мастер-ювелир изобразил многоплановую композицию, на которой представлено 10 разнообразных персонажей, а также три растения с пирамидальной кроной, водоем с рыбами, горы и, наконец, цветы.

Среди зооморфных образов присутствуют: разъяренный лев, спускающийся с возвышения и находящийся в явно противоборствующей позиции со стоящим перед ним мощным быком. Это едва ли не самая популярная композиция, много раз тиражировавшаяся в переднеазиатском искусстве и неоднократно повторенная в древней глиптике Бактрии и Маргианы. На кубке есть и явно уставший от погони волк с высунутым языком, преследующий убегающего зайца, и антилопа на водоем, за которой внимательно следит спрятавшаяся за возвышением львица, и другая пара антилоп по бокам пирамидального растения, передавая популярный на Ближнем Востоке мотив «древа жизни» с предстоящими по его обеим сторонам пары козлов, и, наконец, растение на горе, до определенной степени напоминающее либо тюльпан, либо мак, использовавшийся для приготовления культовых напитков типа сома-хаома. Наконец, медведь, спокойно бредущий среди гор, дополняет общую композицию этого сюжета.

Но на этом не кончаются художественные достоинства сосуда: они продолжают на его дне, где в центре сохранился гравированный рисунок головы «плачущего» рогатого козла, из глаза которого катится крупная слеза. Возможно этим бесхитрым художественным приемом мастер хотел передать безутешное людское горе по умершему.

Заключая общую характеристику пом. 3, следует отметить, что нижняя часть западной стены (или иначе панель) на высоту около одного метра сплошь сохранила ровную гладь обмазки «цемянкой», к которой обычно прикреплялась мозаика. Не исключено, что и в данном случае обнаруженная «цемянка» указывает на былую мозаичную облицовку, которая в виде панели украшала все это помещение по низу. Именно здесь и была найдена основная масса разнообразных мозаичных вставок – крылья, объемная, геометрическая и сложных форм мозаика.

Помещение 1 соединено с пом.2 общим проходом с порогом и имеет в середине западной стены нишу. Интерьер помещения тщательно оштукатурен, пол покрыт толстой, глиняной обмазкой на котором был обнаружен фрагмент упавшего со стены мозаичного фриза. Рядом находился перевернутый вверх дном серебряный сосудик, косметический флакон с крышечкой и косметический аппликатор для нанесения косметики на тело, навершие которого выполнено в виде лежащего, отдыхающего быка. Здесь же был встречен еще один деревянный ларчик с инкрустацией по углам и посередине, со следами красной и черной краски и обрывки золотой фольги.

Если вышерассмотренные помещения 1- 5 представляют собой единое погребальное сооружение, то три последних (6,7,8) – неоштукатуренные и без глиняной обмазки пола – больше похожи на подсобные, возможно, выстроенные позднее.

Помещение 6 представляет собой коридор, в который как бы насильно был «втиснут» труп женщины (возраст 50-60 лет), в скорченной позе и с сильно запрокинутой (с отвалившейся вниз челюстью) головой.

Помещение 7 сохранило много разрозненных костей животных вперемежку с незначительным количеством мелкой мозаики, попавшей сюда скорее всего в результате грабительских раскопок.

В помещение 8 имеется в явно вторичном, перемешанном состоянии два целых сосуда типа глубоких чаш и единичные кусочки мозаики.

Заключая рассмотрение гробницы 3235 отметим, что помимо предположительного «вестибюля» (пом. 5) и «внутреннего холла» (пом. 4) два другие помещения 1 и 2 могли являться «камерами погребений» куда помещали усопших. В таком случае пом. 3 могло выполнять роль «камеры погребальных приношений», а пом. 6, 7 и 8 были подсобными.

Камерные гробницы №№ 3205, 3245 и 3250 располагаются по периферии царского некрополя и решительно уступают как по размерам, так и по богатству личных украшений и погребальных приношений всем вышеописанным гробницам. Более того, есть веские основания считать, что практически все они относятся к более позднему времени доказательством чего является камерная гробница № 3250 перерезавшая круглую стену, возведенную много ранее вокруг гробницы 3220.

Все они за исключением камерной гробницы 3245 были жестоко ограблены в древности и поэтому все наши сведения о таких захоронениях основываются на результатах расчистки именно этой гробницы.

Камерная гробница 3245 представляет собой вырытый в материке прямоугольный котлован, стены которого толщиной в один кирпич и разделен внутри на две разновеликие камеры. Большая из них, являлась «погребальной камерой», куда был помещен покойник. В середине южной стены имеется проход со ступенькой, а в середине восточной стены модель двухкамерной печи с уступом и тонким зольным слоем в топке. В противоположность всем другим, общий вход в камеру, в момент раскопок, не сохранил свидетельств кирпичной закладки.

В середине погребальной камеры устроена земляная подсыпка высотой 15 см, на котором стоял деревянный ящик, а сверху него в «классической» позе на правом боку, головой на север находились останки тяжело больной женщины возраста 30-35 лет. На запястьях ее рук надеты «фаянсовые» браслеты, шею охватывает ожерелье, составленное из мелких золотых, лазуритовых и других полудрагоценных камней, на локте левой руки стояла керамическая чаша, у ног за пределами гроба медный горшок.

Вторая, меньшая по размерам камера («камера погребальных приношений») служила для помещения в ее центре погребальных приношений, которые включали рифленый алебастровый сосудик, квадратную стеатитовую шкатулку с четырьмя отделениями внутри и ручкой в виде извивающейся змеи. Эта, скорее всего, парфюмерная шкатулка точно повторяет аналогичную из могильника Шахдад и имеет по углам четыре сквозных отверстия для подвешивания.

Среди других изделий следует отметить туалетную т.н. «косметическую лопаточку», изготовленную из слоновой кости в виде крылатого грифона, терзающего ягненка, что с бесспорностью свидетельствует о высоком уровне местного костерезного искусства. Здесь к месту будет отметить, что слоновая кость в древнюю страну Маргуш поступала со стороны городской цивилизации долины Инда, доказательством чего может служить типично харапская печать, но обнаруженная не в могилах царского некрополя, а в помещении 19 северной, береговой части храма воды. По мнению известного индолога А. Парпола, печать была изготовлена в долине Инда и является импортом в Маргиане. Здесь же среди погребальных приношений находилась фрагмент мозаики с профильным изображением женского лица, возможно передающим внешний облик пришлых в дельту Мургаба людей.

Осталось отметить находку четырех каменных, тщательно заполированных «нефритовых спиц» не совсем ясного назначения и предположительно морскую раковину, встреченных в этом же погребении.

Суммируя результаты раскопок, остановимся на вопросе насколько правомерно относить этот могильник к разряду «царского некрополя».

Уже давно было отмечено специалистами, что в по крайней мере на рубеже III-II тыс. до н.э. домашняя лошадь являлась еще элитарным животным

так, что помещение в могилы повозок (или же просто снятых с них колес) вместе с лошастью (или ее частями) свидетельствуют о царской принадлежности таких захоронений. Такого типа погребальные приношения засвидетельствованы специалистами во многих к тому же не всегда связанных между собой частях Евразии. В этой связи отметим, что в царском некрополе Гонура такая ситуация зафиксирована в трех гробницах (3200, 3225 и вполне вероятно 3240), отмечая высокий, действительно царский статус подобных гробниц.

На это же, безусловно, указывают человеческие жертвоприношения (особенно в 3225 и 3240), повторяющие, хотя и в несравненно меньших масштабах аналогичную погребальную практику, отмечаемую в передовых центрах тогдашнего мира, как например, в царских могилах Ура.

Помещение практически во все гробницы каменных «посохов», этих своеобразных «скипетров», бесспорных знаковых символов власти, украшенных к тому же наверху конскими копытами не оставляет никаких сомнений в царском статусе похороненных в них лиц.

Если добавить к этому богатые личные украшения и погребальные приношения раскопанных гробниц, то станет очевидным их подлинное царское назначение. Итак, приведенные документальные факты не оставляют сомнений, что рассматриваемый могильник представляет собой подлинный царский некрополь конца III тыс. до н.э. в Центральной Азии.

Судя по всему, камерные гробницы Маргианы в виде моделей домов (Нурогаеум) восходят к северо-сирийским типа Галл-Туттул и некоторым другим, расположенным в бассейне среднего течения Ефрата, которые судя по всему были принесены в древнюю дельту Мургаба пришлыми с далекого запада племенами, основавшие здесь новую цивилизацию.

Как видно раскопанные гробницы представляют собой модели домов выстроенных с разной степенью детализации (особенно 3200 и 3210), которые находят свое планировочное продолжение на примере т.н. двухкамерных гробниц некрополя Гонура. Роднит их между собой общий планировочный принцип в виде двухкамерных погребальных сооружений (всегда разномасштабных) меньшая из которых является местом погребения покойников (типа «дома мертвых») или «погребальная камера», то вторая, большая – для помещения погребальных приношений «камера погребальных приношений».

Не во всех, но в большинстве гробницах, как некрополя Гонура, так и царского некрополя имеются двухкамерные печи, для приготовления жертвоприношений, которые в царских гробницах представляют собой практически подлинные такие печи, всегда располагающиеся на полу гробниц, а в некрополе Гонура их уменьшенные модели устроенные в восточной стене, на высоте около одного метра от пола. Объединяют между собой камерные гробницы царского некрополя и некрополя Гонура наличие моделей столов и лежанок в виде простых кирпичных выстилок, на полах гробниц, а также «посудные» шкафы иногда заставленные в момент раскопок целыми сервизами. Показательно, что в обоих некрополях камеры соединены между собой проходами с той лишь не-

значительной разницей в одном случае они заложены кирпичами « в сухую» , в других закладки вообще нет. Зато когда это можно установить главные входы ведущие внутрь таких гробниц практически всегда заложены кирпичами «в сухую» без глиняного раствора.

Наконец, и в том и другом случае все они пустотелые, в которых практиковался один и тот же последовательный (коллективный) обряд захоронений с последующим изъятием разложившихся скелетов и возможно их перезахоронением.

Уже при раскопках камерных гробниц некрополя Гонура было высказано предположение, что все они были элитарными, в которых хоронилась местная аристократия, что теперь лишний раз подтверждается вышеприведенными фактическими данными, полученными в ходе раскопок царского некрополя.

Таковы результаты работ Маргианской экспедиции весной-осенью 2004 г.